

SIDONIUS APOLLINARIS. LETTERS

TRANSLATED FROM THE LATIN BY
ELENA VIKTOROVNA LITOVCHENKO

СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ. ПИСЬМА

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
ЛИТОВЧЕНКО ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

Книга, Письмо

I, 1

I, 4

I, 6

II, 8

IV, 5

IV, 12

BOOK 1. LETTER 1. TO CONSTANTIUS

КНИГА I. ПИСЬМО I

Сидоний приветствует своего Констанция¹ (477 г.)

[1] Своими настойчивыми рекомендациями и советами ты побуждаешь меня проверять, исправлять и сводить вместе в одном томе больше завершенных из этих личных писем с фактами, людьми и временами, описываемыми мною. Я самонадеянно встал на ту почву, где Симмах со своей безупречной манерой изображения событий и Плиний со своим совершенством были гораздо раньше меня.

[2] Как писатель эпистолярного жанра рядом с Цицероном я в лучшем случае немой; не Титиан², который в его «Письмах знаменитой женщины» смог достойно воспроизвести эту модель; он пытался имитировать стиль, которого не было в его время и другие ученики Фронтонна из зависти к его достижениям называли его «обезьяной ораторов». Я всегда с ужасом осознавал, как далек я от этих великих примеров; сообразно с этим я утверждал, что для каждого приоритетно его собственное время и гении.

[3] Но я удовлетворил твое желание; здесь письма, не просто для проверки, нет, но для шлифовки и, как говорится, чистки от ненужного. Я не знаю, посветишь ли ты все время только лишь для ознакомления, но и для глубокого исследования также? Это заставляет тебя сейчас энергично взяться за дело, невзирая на мои опасения, в этом глубоком

¹ Сведения об адресатах Сидония представлены по работе *The Letters of Sidonius, translated, with introduction and notes by Dalton O.M., 2 vols., Oxford, 1915. The online edition has been realized by Roger Pearse, 2003 / URL: http://www.ccel.org/p/pearse/morefathers/sidonius_letters_00_4_biblio/*

Констанций - священник, родом из аристократической семьи Лиона, известен свои красноречием, рассудительностью и любовью к письмам. Он предложил Сидонию публикацию его корреспонденции и первое письмо посвящает всю книгу ему. Характер Констанция был благородным, а его влияние значительным. Когда столица Оверни была оставлена всеми во время визиготской осады, Сидоний послал за ним и его прибытие возымело благотворное действие на отчаявшееся население. Умер он, предположительно, в преклонном возрасте, примерно в 488 г.

² Юлий Титиан (II в. н. э.), латинский ритор, писатель, жил во времена Максимиана I, который выбрал его учителем риторики для своего сына; во второй половине своей жизни он руководил школами в Лионе и Безансоне. Он был автором работ географического и сельскохозяйственного характера, которые не сохранились до нашего времени. Вероятно, взяв за образец Овидия, он написал (тоже не сохранившиеся) фиктивные письма знаменитых женщин, так хорошо подражая в них стилю Цицерона, что заслужил прозвище Обезьяна (*simia*).

океане амбиций.

[4] Я буду молчать, не выдам ни одного слова по поводу этих пустяков, содержащих отклик на мои стихи, которым, конечно, удачно помогло общественное признание, гораздо более, чем мое мастерство. Такая популярность стала для меня якорем, брошенным в гавани общественного мнения. Я должен быть удовлетворен этим после завистливых брюзжаний всех Сцилл, через которые прошел мой корабль. Но, если зубы завистливых пастей этих сумасбродов не сожрут меня, том будет следовать за томом, все более наполненные мощным потоком моих писем. Прощай.³

³ Литовченко Е.В. Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод / Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2011. – С. 200 – 203.

BOOK 1. LETTER 4. TO GAUDENTIUS

КНИГА I. ПИСЬМО IV

Сидоний приветствует своего Гауденция⁴

[1] Мои поздравления, многоуважаемый друг; бразды правления твои заслуженны. Завоевав высокий пост, ты не устроил апицианскую⁵ пирушку (*apicibusque potiare*⁶) на доходы матери или на щедрые пожертвования своих родственников, драгоценности твоей жены или родовое наследство. Вместо всего этого ты явил <миру> честность, не раз доказанное усердие, общепризнанное обаяние⁷, которое помогло тебе стать одним из лучших среди имперского населения. О, трижды и четырежды счастливый человек, возвышение которого доставляет радость друзьям, досаду врагам и славу своему собственному потомству, являющийся примером беспокойной активности и стимула, побеждающего вялость и медлительность. Человек, который попытается подражать тебе, твоему духу, может приписать окончательный успех своим собственным усилиям, но, несомненно, будет обязан своим стартом твоему примеру.

[2] Мне кажется, я вижу среди завидующих, пусть это будет сказано со всем почтением ко всем лучшим гражданам, старую непростительную заносчивость, старое пренебрежение службой, находящейся под влиянием людей слишком слабых, чтобы служить, люди утратили все амбиции, те <люди>, которые украшали свои кубки надписями, содержащими софизмы о прелестях свободной жизни без обязательств, их мотивация основана на лени, а отнюдь не на любви к идеалу, на которую они притязают.

[3] Вкус мудрости наших отцов отвергнут, из страха, что мальчики (*pueris*) могут воспользоваться ею, они уподобили школу ораторов ткацкой мастерской (*textilibus comparantes*) и прекрасно понимали, что

⁴ Его называли «достопочтенным», в частности у Сидония (*Sid. Epist. III. XII, 4*).

⁵ Апиций (*M. Gabinius Apicius*, I в. до н.э. – I в. н.э.) – римский гастроном времен Тиберия, имя которого сделалось нарицательным для обозначения гурмана.

⁶ *Pōtio (ōnis)* – питьё, выпивание (*Cic., Sen. etc.*)

⁷ Здесь звучит почти как стихи: «...*inspecta sinceritas, spectata sedulitas, admissa sodalitas*...». Кроме того, каждое из перечисленных достоинств начинается на «s» и это, разумеется, неслучайно, т.к. вполне соответствует риторическим канонам.

относительно юношеского красноречия, труднее долго рассказывать краткое, чем делать пространное коротким. Многие еще можно сказать по этому поводу, что же касается прочего, помни, что, если Провидение одобряет мои усилия, и помогает мне оставаться живым и невредимым, я имею в виду, возратить твою доброту в равной мере. Прощай.⁸

⁸ Литовченко Е.В. Письма Сидония как образцы эпистолярного жанра в позднеимской литературе. Сидоний Аполлинарий. Письма Гауденцию и Фелицию (пер. с лат. и коммент.) // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – Вып. 6. – С. 6-16.

BOOK 1. LETTER 6. TO EUTROPIUS

КНИГА I. ПИСЬМО VI

Сидоний приветствует своего Эвтропия (467 г.)

[1] Я давно хотел написать, однако почувствовал порыв более обычного сейчас, когда оберегающей милостью Христа нахожусь в пути в Рим. Мое единственное или, по меньшей мере, главное побуждение – вытащить тебя из трясины твоего домашнего благополучия призывом к тебе поступить на императорскую службу.

[2] Кроме того, милостью Божьей, твой возраст, здоровье твоего тела и ума – все это вместе делает тебя пригодным для этой задачи; у тебя полно лошадей, оружия, одежды, средств к жизни, рабов; единственное недостающее, если только я не сильно ошибаюсь, – это смелость начать. В своем собственном доме ты достаточно энергичен; и только при мысли об изгнании из него безрадостное уныние делает тебя нерешительным. Как же это может быть объективно представлено как изгнание, для человека с кровью сенаторов в своих жилах, с изображениями предков в трабях, ежедневно бросающихся ему в глаза, посетить Рим в свою лучшую пору, Рим – средоточие закона, училище литературы, источник достоинств, главу мира, родину свободы, город, не имеющий себе равных на земле, где никто, кроме варвара и раба, не является чужаком?

[3] Позор тебе сейчас, если ты похоронишь себя среди неотесанных пастухов или ворчащих свинопасов, как если бы вершина твоего блаженства была в том, чтобы ощущать дрожь рукояти плуга над прокладываемой бороздой, или, согнувшись над своей косой, портить цветочное изобилие луга, или мотыжить пышные лозы, уткнувшись лицом в землю. Кончай! проснись! сытая праздность расшатала опоры твоего разума; обрати его к более возвышенным вещам. Разве для человека твоего происхождения совершенствовать себя – менее важная обязанность, чем развивать свое имение?

[4] В общем, то, что ты изволишь называть упражнением для молодого человека, на самом деле расслабление, пригодное только для ослабленных солдат, когда их немощные руки сменяют ржавый меч на устаревшую мотыгу. Представь, <что> ты достиг своего конца;

представь, что виноградник на винограднике пенится пурпурным соком, пока загроможденные зернохранилища обрушиваются под нескончаемыми холмами зерна; представь упитанных пастухов, которые ведут теснящихся коров со вздутым выменем на зловонные скотные дворы для дойки: что дальше? Какой прок будет от <того, что ты> расширил свое наследие (родовое имение) подобными низменными доходами, <что ты> прожил затворником не только среди подобных вещей, но и, о глубочайший стыд!, ради подобных вещей? Тебе придется благодарить только себя, если однажды ты встанешь, ты, рожденный аристократом, ничем не прославившийся с сединой в волосах, позади молодежи, сидящей на дебатах, если ты будешь страдать под воздействием речи какого-то бедняка, поднявшегося к славе <благодаря> должности, и с тоской увидишь, что тебя обогнали те, в ком когда-то была <только> смелость следовать в нашей свите (букв. за нашей процессией).

[5] Но к чему говорить больше? Прими мой призыв, как он предназначен, и ты увидишь, что я рядом с тобой, готовый предугадать и разделить <с тобой> любое твое усилие. Но если ты позволишь себе быть пойманным коварными сетями удовольствий, если выбор твой будет - впрячься в ярмо, как говорится, принципов Эпикура, который открыто принес в жертву добродетель и определил главным благом телесное удовлетворение, <то> тогда, да будут наши потомки мне свидетелями, я смою позор со своих рук. Прощай.⁹

⁹ Литовченко Е.В. Письма Сидония Аполлинария как источник сведений о жизни позднеантичного общества // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Выпуск. 3. – Белгород, 2011. – С. 46 – 52.

BOOK 2. LETTER 8. TO DESIDERATUS

КНИГА II. ПИСЬМО VIII

Сидоний приветствует своего Десидерата¹⁰ (461-467 гг.)

[1] Я пишу, угнетенный великой скорбью. Три дня назад умерла Филимация¹¹, и все дела были приостановлены в память о ней. Она была покорной женой, хорошей хозяйкой, способной матерью, достойной дочерью, дома ли или за границей, заслуживая добровольную службу стоящих ниже ее *<по положению>*, любовь равных и уважение более знатных. Оставаясь единственной дочерью после смерти ее матери, она настолько очаровала своего отца, что, хотя он и был все еще молодым мужчиной, он никогда не желал наследника. И теперь внезапная смерть пронзила два сердца, оставив опустошенным мужа и бездетным отца. Мать пятерых детей ушла из жизни преждевременно, ее плодовитость оказалась ее же бедой, принесшей несчастье; и, если бы смерть, забравшая ее, забрала ее больного отца, дети не оказались бы более беспомощными, чем сейчас.

[2] Дань любви умершим не напрасна; это не была равнодушная процессия хоронивших ее, все присутствующие тонули в слезах, а незнакомцы несли похоронные дроги, так, как будто они хотели удержать ее. Они целовали ее так, как будто она и не умерла, а всего лишь спала, с ней прощались родственники и духовные лица, чтобы оставить ее отдыхать в ее вечном доме. Когда обряд прощания закончился, ее отец, потерявший единственного ребенка попросил меня написать элегию на надгробной плите. Я писал ее, когда мои слезы все еще были горячими, выбрав одиннадцатисложный стиль (гендекасиллабы) вместо элегического размера¹². Если ты не думаешь, что эти строки слишком плохи, мой книготорговец включит их в книги моих избранных стихов; а, если ты считаешь их таковыми, то

¹⁰ Друг, возможно предок Св. Десидерата, епископа Клермона после Св. Авита. Его суждения о поэзии высоко ценились в Оверни, и Севериан считал, что публиковать трактаты по риторике выгодно именно под его покровительством.

¹¹ Возможно жена Эрифия и дочь Филимация (см. кн. I, письмо III).

¹² "Элегия" у греков - термин по преимуществу метрический: он указывает на соединение гекзаметра с пентаметром (пентаметр - гекзаметр с усечением последней краткости в обеих половинах стиха).

тяжеловесные стихи останутся высеченными только на тяжелом камне.

[3] Вот моя эпитафия:

В эту могилу скорбящие руки отца
опустили матрону Филимацию,
которую так неожиданно и поспешно
у супруга, у отца, у пятерых
осиротевших детей забрала судьба.
О, гордость твоего дома, о, слава твоего супруга,
о, мудрость и чистота благопристойности,
строгая и нежная, достойная быть впереди старших,
каким образом соединились в тебе качества,
которые кажутся несовместимыми друг с другом:
так же как величие и дружелюбная почтительность,
не мешающие, впрочем, проявлять веселость,
всегда сопровождавшие твою жизнь.
Мы скорбим о тебе,
твое третье десятилетие едва прошло,
как мы совершили необходимый,
но несвоевременный ритуал в пору твоего расцвета.

Понравятся ли тебе эти строки или нет, торопись назад в город. У тебя есть долг перед осиротевшими домами – утешить двух братьев-горожан. Молись Богу, чтобы впоследствии тебе не пришлось стыдиться своих поступков, как и манеры твоего поведения в целом. Прощай.¹³

¹³ Литовченко Е.В. Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод / Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2011. – С. 200 – 203.

BOOK 4. LETTER 5. TO FELICIUS

КНИГА IV. ПИСЬМО V

Сидоний приветствует своего Фелиция¹⁴

[1] Я приветствую тебя, во второй раз отсылая письмо с одним и тем же посланником. Твой Гозолас (скоро, возможно, я назову его и моим тоже!) еще раз послужит носителем моего письма. Оберегая нас обоих таким образом от оскорбления открытым пренебрежением, т.к., если ты упорствуешь молча, каждый может подумать, что ты смотришь на меня и на посыльного, назначенного нести твой ответ, свысока.

[2] Как и в прошлый раз, я ничего не спрашиваю о состоянии общественных дел, опасаясь причинить тебе боль, заставляя говорить о неблагоприятных событиях в то время, когда фортуна отвернулась от нас. Не в твоём стиле отправлять мне ложные новости, но даже, если нет ничего приятного для сообщения, я предпочитаю узнавать о бедствиях от того, кто является моим другом. Прощай.¹⁵

¹⁴ Сидоний посвятил ему стихи (Carm. IX, 330; XXIV, 91).

¹⁵ Литовченко Е.В. Письма Сидония как образцы эпистолярного жанра в позднеримской литературе. Сидоний Аполлинарий. Письма Гауденцию и Фелицию (пер. с лат. и коммент.) // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – Вып. 6. – С. 6-16.

Сидоний приветствует своих Симплиция и Аполлинария (472 г.)

[1] Благой Боже, насколько беспокойство <человеческой> души подобно опасному для кораблей стремительному потоку, ибо неблагоприятное известие приводит в смятение также как расстраивает собственное несчастье! Недавно мы вместе с сыном разучивали (*букв. твердить, повторять*) остроумную вещь Теренция «Свекровь». Находясь рядом с усердно занимающимся учеником, <невольн> вспоминаешь свои забытые способности, побуждающие к более совершенному восприятию комедийных строк, в моих же руках была пьеса с подобным сюжетом - «Третьейский суд¹⁶» Менандра.

[2] Мы читали вслух и восхищались лучшими отрывками; пьеса очаровала его, а его чувства захватили и меня, мы были оба одинаково поглощены, когда внезапно появился наш раб с хмурым лицом. Я спросил: «Что случилось?». «Чтеца» - отвечает - «по имени Констант, посланного с поручениями к господам Симплицию и Аполлинарию, только что видел у входа. Он говорит, что доставил Ваши письма, но потерял ответы, переданные ему для Вас».

[3] Как только я услышал это, штормовое облако раздражения повисло на чистом небосводе моей радости; неудача настолько рассердила меня, что в течение нескольких дней я был безжалостен и запретил этому болвану (*Константу*) показываться мне на глаза. Я хотел, чтобы он прочувствовал свою вину, пока не вернет мои письма все до одного, не говоря уже о ваших; пока я в здравом уме, я буду всегда хотеть большего, хотя чаще получается меньшее.

[4] Однако через некоторое время мой гнев мало-помалу ослабел; я сам послал за ним и спросил, было ли ему доверено передать что-либо на словах, кроме писем. Он был испуган и готов был ползать у моих ног, осознавая свою вину, он заикался и не мог смотреть мне в глаза, но все-таки ему удалось вымолвить: «Ничего». Сообщение, в котором я должен был получить так много наставлений и приятных

¹⁶ *Букв.* «Обращающиеся» (к третейскому судье).

вещей, все это содержалось на утерянных страницах. Поэтому для вас ничего не остается, как снова обратиться к своим табличкам, раскрыть все свои пергаменты и написать все это заново. С философским спокойствием я снесу эту неудачу до того часа, пока эти строки не дойдут до вас и вы узнаете, что ваши уже никогда не дойдут до меня. Прощайте.¹⁷

¹⁷ Литовченко Е.В. Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод / Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2011. – С. 200 – 203.